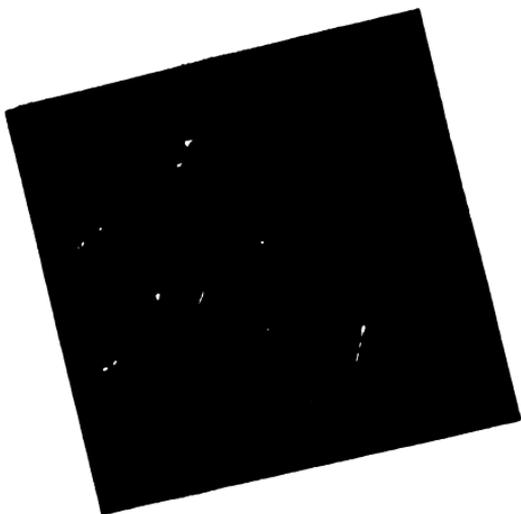

Ай

игли

Ленивец Ай в еде разборчив был
Он ничего не ел помимо листьев коки —

И пусть это чистая правда,
Но редкою рябью ямбических правил описывать Ай
Навряд ли может быть названо осмысленным предприятием.

Вон закатив свои кислые вежды в нирвану кустарника
Откинувши куцую шею
И приспустив никому не нужное бремя на ней
Ай виснет на ветви упругой
Рыхлому зданию дерева
Округлым противовесом.

Низкий лоб
Приплюснутый нос
Вывороченные губы
Глумливая морда
Совершенный дегенерат

Вся лесистая волость реки-воительницы
Хохотала над привередливым оборотом.

Вцепившись тремя когтями в который-то из суков
Проводит на дереве коки взыскательный Ай время ливней
Шерсть кожи с него
Уже слезла давно
Едва пришла дождливая пора
Взамен ей выросли волосатые
Водоросли влажного тропического сыр-бора

Не говоря уже о разных мелких тварях:
А именно — медведках с майскими жуками
Личинками стрекоз и саранчи
Кишмя кишачими в его червивой шкуре.

И только два мутных бессмысленных глаза
Не поставленные как у иных
Вбок, по краям головы,
Но устремленные внутрь, вперед
Выдавали в нем существо необыкновенное.

Все брезгают Аем.
Его прогорклым мясом гнушается голодный ягуар
От него отворачивается с отвращеньем
Даже кровожадная рыба-пиранья
Дикого вампира не искусит та тухлая флегма
Которая вяло струится
По отравленным венам занюханной твари
По скрюченным одеревяневшим артериям
Развороченным трактом аорты
В изможденное думами коки
Горькое аево сердце.

Живое опровержение
Выживания наиболее изворотливых в лабиринтах жизни
Защищенный одним живейшим омерзеньем
Которое только способна внушить к себе сама мерзость
Вечно гниющий на корню кустарника идущего ему же в пищу
Ай висит впиваясь в гибкий сук тремя ногтями

А порывистый ветер
Знай раскачивает его как веер —

Словно перезрелый плод
Ленивец Ай
Висит на извилистых выступах измельчавшего
Древа познания добра и зла.

А ведь предок Ая был в своем роде гигантом.

Огромный как медлительный слон неполнозубый ублюдок
Бродил аев пращур между кокневых бабабов
Сгребал дерн листвы и опухшей коры
Рылом с надтреснутыми клыками
Зубами, ногами и лбом
Ел его, мял и жевал.

Но все живое со временем утрачивает былое величие
И вот, та же судьба ныне постигла и Ая.

Не превосходящий размерами жалкой макаки
Не выше ростом, чем заурядный зеленый лори
Повиснул на черных крючьях
Мой хилый хиреющий выродок
Внушая простое брезгливое чувство
Любому, кто бы ни увидел его

И так истлевая, но не увядая
Словно бывалая ягода он пребывает.

Подобные таковым виды
Роятся в черепе Ая
Одурманенном терпким ядом
Его духовного и вещественного яства.

— Да чем, — так и вьется в рассудке Ая —
Чем самому извиваться,
Преодолевая злокачественный предрассудок,

Я лучше поставлю когтем
По мелкой отдельной букве
На каждом единственном и неповторимом
Листике моей вечной кожи
Дабы явить искру
Мысли евкокиевой молекулы
Зримым видом знака
В матери ее матери-природы.

Но в ответ лишь шуршит кустарник:
Все ведает древо бреда
Да и аев много
В прутьях его таится.

А.Р.